

Апробация предварительных результатов исследования по проекту РФФ. Стенограмма. 22 августа 2019 г. Часть 1

Васильев Д. В.: Осталось собраться с силами. Жаль нет Дмитрия Шлапентоха, нашего неформального спикера, у них есть поговорка *The last but not the least*, то есть сегодняшний день наш, финальный здесь, но он не худший ни в коей мере, но наверняка интересный и заслуживающий внимания, не только потому, что там во второй части Закаспийский край, а потому что первую часть мы фактически смогли посвятить полностью одной из великих империй региона, той, которой касалась и сама Центральная Азия, и вела здесь свою политику, которая в разное время отличалась различной степенью интенсивности, самостоятельности, это Китайская империя. Сегодня у нас интересные докладчики, которых я буду, естественно, отдельно представлять. Итак, начинаем работу сегодняшнего утреннего заседания. Я хочу предоставить слово в соответствии с нашей программой Артему Георгиевичу Данкову. Он представляет город Томск. Вы знаете, у меня такое своеобразное отношение к Сибири. Как говорил профессор А. Ремнев, шутя или не шутя, вот есть Россия, а есть Сибирь. Да, вчера коллеги напоминали, что такой отзвук областничества в нем присутствовал. Мне кажется, что все-таки это больше с годами у него проявлялось, когда он был чуть помоложе, немножко других взглядов придерживался. Я в городе Томске был в марте месяца этого года. Ехал туда с опасением, потому что что может быть интересно в Томске и что я там могу для себя найти полезного. С годами как-то понимаешь, что любое твое телодвижение должно быть осмысленным, ибо их осталось не так много. И город Томск меня приятно удивил. Я такого никогда не видел. Они говорят, что вот у нас деревянная резьба и все прекрасно. Деревянная резьба еще есть и в Вологде. Но такого города, как Томск, я больше в жизни не видел. Он, являясь современным городом, удивительно сохраняет в своем сердце старый традиционный деревянный сибирский город. А какие там люди интересные... Есть другие сибирские города, не буду их называть, где чувствуешь себя не так уютно. Где встает солнце, и ты понимаешь, что ты в ссылке. Вот это солнце в ссылке оно встало, и жизнь закончилась, несмотря на то, что кругом день. В Томске почему-то этого нет. Я не знаю, почему. А какой там университет, которым они заслуженно гордятся. Меня полдня водили по университету экскурсией, и я не ждал, когда она закончится, потому что и сам музей университетский, и замечательная библиотека, они просто вызывают уважение и восхищение. Я очень рад, что меня что-то связало с городом Томском. И мне очень приятно предоставить слово Артему Георгиевичу. Пожалуйста.

Выступление А. Г. Данкова

(Обсуждение выступления А. Г. Данкова)

Васильев Д. В.: Благодарю, действительно, очень интересное сообщение. И, главное, настолько лаконичное. В связи с этим обращаю внимание, коллеги, прошу оперативно, у нас сегодня больше докладов. Итак, переходим к вопросам. Татьяна Викторовна, пожалуйста.

Котюкова Т. В.: Доброе утро, коллеги. Я хотела бы спросить. В связи с тем, что Вы сказали. Все-таки отдается ли какое-то предпочтение, хотя это, наверное, не очень правильное слово. Кто все-таки с точки зрения китайцев был лучше, милее, добрее – Российская империя или Британская в отношении Цинской империи? Отдают ли они здесь все-таки какое-то предпочтение, делая какие-то выводы?

Данков А. Г.: Спасибо за вопрос. Если говорить в общем, для меня как человека, который занимается политологическими моментами, важно было следующее. Российская империя и российско-цинские отношения XIX – начала XX века рассматриваются с точки зрения того, что Российская империя была ничуть не лучше других империалистических держав, а в некоторых моментах даже хуже. Волна интереса к этому то поднимается, то спадает. Вот, в частности, неравноправные договоры, которые были заключены по результатам опиумных войн. В отношении российской политики в Центральной Азии или британской политики в Индии я не встречал оценочных работ. Может быть, мы просто не далеко еще ушли в этом направлении.

Шлапентох Д. В.: У меня вопрос. Сейчас, как я понимаю, программа Великого шелкового пути, которая, если перевести с mandarin на простой, это своеобразная модель китайской имперской экспансии, которая должна быть параллельно американской империи. Две империи, которые какое-то время будут существовать, прежде чем, естественно, китайская, дракон, поглотит американскую. И в этом контексте было несколько конференций, я, к сожалению, не мог на них участвовать, поскольку я человек подневольный, крепостной моего учреждения, уезжать надолго в Азию не могу. Два дня в один конец, два дня в другой, меня никто не отпустит. Как я понял, какова идея этих конференций. Доказать, что Китай, во-первых, всегда был миролюбив, при этом все эти военные действия с варварами, они уходят на задний план. А во-вторых, все время они обогащали их культурно, торгово их обогащали. Вообще их взаимодействие с Китаем было исключительно гармоническое. Правильна моя оценка или нет?

Данков А. Г.: Спасибо за вопрос. В качестве ответа, с учетом определенных ограничений, которые на меня наложены, я хотел бы процитировать ту статью, о которой я упоминал, там есть такой момент. Цитата неточная, суть такая. Российская и Британская империи в рамках Большой игры проводили недалновидную, агрессивную политику, направленную на игру с нулевой суммой. В то время необходимо нам сейчас проводить политику мудрую, стремящуюся к гармонии и взаимной выгоде. На самом деле, если провести контент-анализ, то 90 % исторических работ современных китайских историков содержат подобного рода термины: стремление к гармонии, мудрость, взаимопонимание. Вот так.

Васильев А. Д.: Артем Георгиевич, спасибо за интересный доклад. Я хотел бы спросить вот о чем. Некоторые западные исследователи оценивают происходившее в середине и второй половине XIX века в Западном Китае как восстание народных масс, вызванное дискриминацией центральных властей. Не встречались ли Вам китайские оценки этого восстания населения западных провинций Китая? Как в китайской историографии оценивают эти народные движения (так их назовем)? Спасибо.

Данков А. Г.: Спасибо большое. Первое, что хотелось бы отметить. Эта тема не мейнстрим сейчас. Изучение мусульманских восстаний в западном Китае – это не то чтобы табу, но это явно не то направление, в рамках которого Вы защитите диссертацию, будете публиковаться в научных журналах. Второе, даже в тех работах (более раннего периода), с которыми мне удалось познакомиться, эти события однозначно не трактуют. Была такая трактовка: это национально-освободительное движение (классический марксистский подход). Сейчас однозначно эти события не трактуются как национально-освободительное движение. Это движение реакционных социальных групп, возглавляемых религиозными деятелями и т. д., и т. п. Сейчас слишком мало работ по этой тематике публикуется, чтобы говорить о каком-то тренде. Это сейчас совсем не мейнстрим. Много очень говорится об истории I тысячелетия. Шелковый путь – вы работ найдете миллион. Мусульманские восстания и вообще политика Цинской империи в XIX веке в Синьцзяне – может быть, одна – две работы, опубликованные китайскими авторами, в соавторстве с американцами или европейцами, тоже такие очень обтекаемые, опубликованы за рубежом, в Европе или в американских издательствах.

Некрасов А. А.: Спасибо за очень интересный доклад, который заставляет подумать. Мы сравниваем в отечественной историографии разные этапы, в зарубежной делают аналогично. Вы упомянули о том, что Большой игрой занимались и в 60-е, и в 70-е и занимаются сейчас. Ситуация изменилась, сейчас новая Большая игра, в том числе и с достаточно активным участием Китая. Как-то изменились сейчас подходы к Большой игре в историографии этого региона по сравнению с историографией 60-х, 70-х, 80-х годов? Спасибо.

Данков А. Г.: Спасибо за вопрос. Если коротко, современные центральноазиатские исследования или исследования российские, которые ведут китайские ученые, особенно в региональных вузах, это, действительно, часть проекта Нового шелкового пути. Небольшая

цифра: объем финансирования научных исследований в области общественных наук, истории, у них вырос в 7 раз по отношению к тому, что было даже в 2000-х годах. Поэтому, конечно, количество работ значительно увеличилось. Это первое. Второе, с точки зрения подходов, конечно, в 60–70-е годы, по крайней мере, с теми работами, которыми мне удалось познакомиться, там очень много идеологии, но советские ученые отвечали тем же. Ответ буржуазным фальсификаторам истории – это вообще классический сюжет и название многочисленных сборников научных статей наших ученых. Китайцы не отставали. Много можно процитировать о кровавом колониальном режиме про оккупацию Кульджи: мучились таранчи под игом Российской империи, потом светоч Цинской империи их к себе обратно забрал. Сейчас такого нет. Сейчас все гораздо более взвешенно, но с учетом того, что оценки имперской политики России в целом по отношению к Китаю достаточно скептические. То есть Россия ничем не лучше других империалистических держав, а местами даже похуже. Несмотря на дружбу – это тоже, кстати, очень важный момент с точки зрения понимания каких-то политических процессов и международных отношений.

Лысенко Ю. А.: Институт пограничных территорий Пекинской академии общественных наук – можно ли его назвать сегодня флагманом, который задает тон и определяет направления исследований пограничных территорий? Знакомились ли Вы с работами ведущих ученых этого института?

Данков А. Г.: Да, я знаю несколько работ этих авторов. У них есть специфика, они же занимаются не только центральноазиатским направлением, это вообще border studies. Для них это очень важное направление исследования, которое связано с множеством политических вопросов, в частности, вопросом урегулирования пограничных проблем с близлежащими странами. Они не зря создали достаточно давно это направление. Здесь вполне очевидная задача создания этого научного института: поиск исторических оснований для политических претензий, в частности, пограничных вопросов для Китая. Назвать его флагманом в центральноазиатских исследованиях я бы не стал потому, что у них более широкий спектр научных исследований, в том числе и на западном направлении. Есть один очень важный момент, связанный с советско-китайским противостоянием. Пока не был урегулирован пограничный вопрос между Советским Союзом и Китаем, было очень много работы. Советский Союз распался, пограничный вопрос стал уходить на второй план, в 2000-е годы он был решен, как – я не берусь оценивать. Соответственно, спал интерес к финансированию и в мейнстрим это не вошло.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил руководитель проекта Д. В. Васильев)

В сообщении автор уделяет внимание роли империи Цин в регионе – так, как ее видели и воспринимали современники – представители разных государств и, соответственно, последующие историки – китайские, российские и западные. Актуальностью темы видится существенное возрастание политической роли Китая в современном мире и в Центральной Азии в частности. Отмечаются не только трактовки, изначально разные, но и прослеживается эволюция восприятия одних и тех же участников центрально-азиатских международных отношений, одних и тех же событий в историографии одной и той же страны в разные периоды – в зависимости от изменений политической конъюнктуры и международной политической ситуации. Видится перспективным использование результатов исследования, озвученных в сообщении в рамках развития проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», при исследовании политико-правовых аспектов российско-китайских и казахско-китайских отношений рассматриваемого периода (А.М. Сагатов, С.К. Удербаяева, И.В. Тутаев), расширение историографической базы проекта (С.И. Ковальская).

Выступление Е. У. Байдарова

(Обсуждение выступления Е. У. Байдарова)

Васильев Д. В.: У меня маленький вопрос. Одна из моих функций – это провокация, в хорошем смысле слова. У меня сложилось свое отношение к казахским ханам. Я бы сказал, оно какое-то трепетное, но я в них вижу не только политических лидеров, вождей, но еще людей с их человеческими мыслями, настроениями, желаниями. Меня всегда интересовала фигура хана Аблая. Он считается, условно, правым ханом, гордостью нации, а Абулхаир, который сделал не меньше, он считается тоже хорошим, но не гордость. И у нас часто в российской историографии, когда мы пишем об Аблае, мы пишем о его двоеданстве. И пишем чаще всего с негативной точки зрения (я не причисляю себя к этим людям, наоборот, считаю, что он правильно делал). Рассматриваются ли проблемы двоеданства с китайской стороны? Представлена ли оценка этого хана в Цинской империи, его лавирования между двумя полюсами, империями?

Байдаров Е. У.: Это вопрос, который требует дальнейших исследований. Если говорить о Цинской стороне, они, конечно, знали, что Аблай хан получил благословение императора Цяньлуна и в то же время принял присягу на верность Российской империи. Они к этому относились даже благосклонно, не препятствовали этому. Знали, что за этим нет никаких далеко идущих планов. Это был факт признания того, что казахи пытались получить, с одной стороны, благосклонность Китая, с другой стороны – своего северного соседа. В этом они не видели ничего такого, что помешало бы их взаимоотношениям. Знали, что казахским правителям все равно никуда не деться, все равно будут искать поддержки, помощи.

Васильев Д. В.: То есть китайцы более гибкие в принципе, чем Россия, которая хотела однозначного ответа, и до сих пор хочет: да или нет, хорошее или плохое.

Байдаров Е. У.: Здесь, прежде всего, нужно иметь в виду, что китайская дипломатия основывалась на принципах конфуцианской этики, поэтому двоеданство не играло для них большого значения.

Дарбаев А. Г.: У меня два вопроса. Начну с последней части Вашего выступления про картину итальянского художника Кастильони. Он долгое время находился при китайском дворе, его работы, они есть. Если мы введем название его работы в казахстанском сегменте поисковой сети, то мы ее не найдем, найдем, но не в полном виде. Я работаю в музее, одно время у нас была эта картина, но она была представлена фрагментом. У меня к Вам такой вопрос. Если это были дипломатические отношения, почему сам автор в таком виде изображает людей, которые преподносят этих коней? У меня лично по этой картине есть свое мнение. Лично я таких коней в казахской степи не встречал. Может быть, где-то есть, но я их пока не видел. Второй вопрос касается казахско-китайских отношений, в особенности того периода, когда Джунгарское ханство сходило с исторической арены, период 1755–57 годов, были ли зафиксированы военные столкновения между казахами и китайцами в связи со стремлением поделить территории некогда могущественного государства?

Байдаров Е. У.: Начну со второго вопроса. В те годы, которые Вы обозначили, 1755–57-е, конечно, когда Цинская империя и ее армия громила Джунгарское ханство, отдельные китайские отряды вторглись в пределы казахских земель. Были бои. Этот факт широко известен. Именно поэтому в 1757 году было отправлено посольство Абылай хана в Пекин. Если говорить о картине Кастильони, по поводу изображенных там лошадей (я не специалист в этом вопросе), исследователи на это мало обращают внимания: похожи ли лошади на казахских или нет. Там изображены степняки в шапках – это не оставляет сомнения, что изображены казахи. Во время этих посольств в каждом посольстве были лошади. Понимали, что лошади – очень хороший подарок.

Васильев Д. В.: Конечно, если падает ниц, кто же это оставит – вырежет.

Дарбаев А. Г.: Мой вопрос в связи с картиной. Основной упор там все-таки не на лошадей, а на людей, которые там изображены. Почему именно в таком формате? Я почему задал второй вопрос, связанный с столкновениями. Я обратил внимание, коллеги постарше, кто преподавал историю Казахстана в университетах, школах, знают. Раньше был

замечательный учебник по истории Казахстана, за 8 класс, если не ошибаюсь. Там был изображен Абылай хан, работа Дузельханова. Там как раз про эти столкновения между казахами и китайцами была информация. Впоследствии, благодаря различным реформам, в кавычках, естественно, вся эта информация исчезла полностью. Поэтому меня этот вопрос заинтересовал. А вот насчет картины, все-таки вопрос был про людей.

Байдаров Е. У.: Отвечу по поводу учебника. Понятно, в учебниках такие вещи, может, не присутствуют, но в отдельных исследованиях, монографиях, эти данные есть. Например, в работах Хафизовой, в работах Моисеева.

Васильев Д. В.: Понятно, Азамат как один из активных людей, которые стоят на переднем крае идеологического фронта. Ему это актуально и интересно. Мне тоже, я потом обязательно найду в Интернете эту картину, она как-то прошла мимо меня.

Почекаев Р. Ю.: Небольшая ремарка в связи с недостаточной разработанностью этой темы. Могут быть огрехи понятийного аппарата. Вы упомянули, может быть, цитируя кого-то из исследователей, понятие о пожаловании ханского титула цинскими императорами. В общем-то это не совсем корректно. Они не жаловали этот титул, так же, как и российские императоры не жаловали ханский титул по той простой причине, что его не было в сановной иерархии, в табели о рангах соответствующего государства. Они признавали или утверждали. Это не столько дарование этого титула, сколько признание: именно с этим ханом будут взаимодействовать, у него есть определенные права, привилегии и определенные обязанности перед сюзереном. Жаловать могли титулы: ванов – наиболее важным ханам, султанам, гунов – тем, кто ниже немножко. То есть китайские, маньчжурские титулы. Это ремарка, не вопрос.

Байдаров Е. У.: Вы абсолютно правы. Титулы, пожалованные отдельным казахским правителям от имени цинского императора, не означали возведения в ханское достоинство. Того или иного казахского султана в ханы избирали сами казахи. Ну, а получение титула вана в какой-то мере поднимало авторитет получателя в его собственных глазах, придавая уверенности, наделяло определенными правами, гарантировало покровительство сюзерена. С этой ремаркой я согласен.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

Сообщение представляет собой достаточно общий обзор отношений казахов и империи Цин с середины XVIII в. до 1830-х гг. Сведения, которые приводит автор, достаточно хорошо известны специалистам по истории Казахстана, Китая, отношений в Центральной Азии, так что, особой ценности содержание проделанной работы не представляет. Лишь некоторые аспекты, которые сам автор характеризует как малоизученные и неразработанные, могут представлять интерес в рамках дальнейшей реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.». Так, могут быть более подробно исследованы особенности восприятия китайскими властями титулов и статуса казахских правителей – ханов и султанов, учета их при дипломатических контактах (И.В. Тутаев), прояснены конкретные сюжеты казахско-цинских отношений (А.М. Сагатов, С.К. Удербаяева).

Выступление участника проекта РФФ И. В. Тутаева

(Обсуждение выступления И. В. Тутаева)

Лысенко Ю. А.: У меня не столько вопрос, сколько комментарий про саму историю, потому что в интерпретации докладчика она была не совсем полной. Губайдулла до того, как умер Вали, хан Среднего жуза, два раза сам был в Петербурге при дворе. Как писали, когда началось разбирательство по этому делу, был уже достаточно прикормлен и приласкан российской властью, этот аспект тоже нужно понимать. Не столько правовой, сколько морально-этический, которым руководствовалась Российская империя в его отношении. Во-вторых, я записала: «Губайдулла был арестован и задержан». Понятно, ничего подобного не было. По инициативе начальника сибирских киргизов Броневского он просто был взят в плен вместе со своим сыном по пути следования на встречу с китайской делегацией и доставлен в Омск, где некоторое время содержался. Это было пленение, не арест, не полицейская мера. Это мое видение ситуации. Он сразу был отпущен и многократно потом обращался к российскому императору с просьбой разобраться в ситуации: наказать Броневского и объяснить, на каком основании с ним так поступили. В завершении всей этой истории, точно не вспомню сейчас, в каком году, он все-таки был выбран старшим султаном одного из окружных приказов, Кокчетавского, по-моему, в 1826-м, то есть император выразил тем самым признание. В качестве компенсации предоставил ему возможность занять эту высокую административную должность. Это небольшой комментарий. Юридический аспект, в котором Вы представили эту ситуацию, он, конечно, имеет право быть и мне, безусловно, было интересно Вас послушать. Спасибо большое.

Васильев Д. В.: Поддержу Юлию Александровну. Действительно, могут быть какие-то и сюжетные недостатки у Вас, но методологический подход, то, что Вы нашли такой способ разрешения своей исследовательской задачи, это можно приветствовать. Действительно, нет предела совершенствованию и надо, возможно, где-то шире смотреть. Понимаете, коллеги, мне кажется, что не обязательно искать и давать четкий бинарный ответ. Потому что мы как бы не стремились погрузиться в ситуацию трехсотлетней давности, мы все равно там не окажемся. Мы должны рассматривать с разных точек зрения и давать, возможно, какие-то варианты толкования того или иного события и явления. И это позволит нам избежать обвинений в предвзятости, в аффилированности, еще в чем-то. Это моя личная точка зрения.

Сайфулмаликова С. С.: Губайдулла избрался старшим султаном Кокчетавского округа. Несмотря на то, что он избирался, он был одним из противников Российской империи. Он был противоречивой личностью. Почему Губайдулла принял чин, но в то же время был противником Российской империи?

Тутаев И. В.: Извините, этот вопрос не входил в пределы моего исследования, поэтому, к сожалению, я не могу на него ответить. Я оценивал исключительно юридическую картину всей данной ситуации. Оценка характера, личности не входила в пределы моего исследования.

Васильев Д. В.: В этом в общем-то и самобытность Вашего исследования.

Ковальская С. И.: Тема, действительно, мне кажется интересной. К юридическо-правовым аспектам было бы хорошо привлечь вопрос о земле. О том, как он решался, может быть, я прослушала, но есть хорошая работа у Вирджинии Мартин. Это как ни что другое показывало изменение в том числе юридическо-правового статуса. Просто рекомендую.

Дарбаев А. Г.: Выскажу свою точку зрения. Я не согласен с мнением коллеги. Он сказал, что курултай, это было внутри нормально, а потом (за легитимацией) обращались, соответственно, к Цинской империи и России. Я лично считаю, что внутри самого казахского общества курултай, поднятие на белой кошме и признание ханом всеми казахами – это не такая уж формальность, на которую не стоит обращать внимание. Как раз-таки история развития казахского общества, в частности в XVIII столетии, и потом уже в XIX столетии говорит нам об обратном.

Васильев Д. В.: Мне кажется, Азамат, Вы правы, но не на все 100 %. Потому что потом,

когда начинает играть роль свою Россия, она вносит дисбаланс, разрушает исконные представления о сути власти. Ведь мы с Вами знаем, что хан – это не лидер нации. Хан – это человек, который обеспечивает, патронирует своих подданных, обеспечивает им условия. Как он это делает, второй вопрос, это не имеет значения. Россия немного трансформирует подобное представление о власти. Создает вертикаль власти. Начинаются подковерные игры. Я с Вами солидарен в том, что до конца XVIII века поднятие на белой кошме – это очень важный элемент легитимации. И именно поэтому его и начинают использовать, и он начинает размываться.

(Экспертная оценка со стороны приглашенных исследователей-экспертов по докладу, статья члена научного коллектива по проекту РФФИ И. В. Тутаева Озвучил эксперт А. Г. Данкова)

Выступление, статья являются весьма интересным и законченным исследованием, ценность которого, во-первых, в том, что это отличный пример синтеза исторического и правового анализа в одном и том же труде. Во-вторых, автор рассматривает вопрос с точки зрения трех правовых систем: российской, цинской и казахской, то есть статья представляет собой прекрасный образец еще и проведения исследовательского сравнительного анализа.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участница проекта С. И. Ковальская)

Автор предпринимает попытку дать историко-правовую характеристику российско-казахско-цинских взаимоотношений в первой четверти XIX в. на конкретном примере (казусе) – признании за казахским султаном Губайдуллы титула хана Среднего жуза, как раз в это время упраздненного российскими имперскими властями. Новизной исследования следует признать анализ событий в правовых категориях всех трех сторон, участвовавших в этом событии – России, Казахской степи и империи Цин. Несмотря на недостаточную проработку литературы, посвященной анализируем историческим реалиям и «постановочно-проблемный» характер сообщения в целом, представляется, что использованный подход и полученные результаты могут оказаться полезными в рамках дальнейшего развития проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» – например, при изучении особенностей российской административной политики в Казахской степи рассматриваемого периода (Д.В. Васильев), история казахско-китайских отношений (С.К. Удербаетова), расширение историографии проекта за счет привлечения историко-правовых исследований (С.И. Ковальская).

Выступление А. Д. Васильева

(Обсуждение выступления А. Д. Васильева)

Муллоджонов С. К.: Вы сказали, что этническая принадлежность Якуб-бека выяснена не до конца. Хотел бы побольше узнать по этому вопросу. В позапрошлом году у нас на севере Таджикистана в Таджикском университете выпустили книгу, там его называют таджиком.

Васильев А. Д.: Спасибо, Сайфулло, действительно, это интересный вопрос. Наверное, одним из первых этот вопрос об этнической принадлежности Якуб-бека поднял Деметриус Болджер еще в XIX веке. Он задавался вопросом, является ли Якуб-бек узбеком. Он пришел к такому выводу, что, скорее всего, он сарт. Он упоминает, что Якуб-бек говорил по-персидски – вполне возможно. Но все-таки уйгуром он не был. Например, 2 года назад, когда у нас была уйгуроведческая конференция, очень известный американский уйгуровед Дрю Глэтни достаточно упорно говорил, что Якуб-бек – этой уйгур.

Почекаев Р. Ю.: Александр Дмитриевич, спасибо за Ваш как всегда интересный и информативный доклад. Две маленькие ремарки и вопрос. Первая ремарка, Вы сказали, что, возможно, были претензии у Якуб-бека к Худояру. Там известные претензии, что он был комендантом Ак-мечети, его обвинили в том, что он фактически сдал город Перовскому, бросили в тюрьму и потом не допускали ни к каким должностям. Так что счеты были, причем самые откровенные. Вопрос как раз будет в связи с этим. Вторая ремарка по поводу намерений русских властей в мусульманском государстве к началу XX века. Как мне представляется, возможно, это было во внутренней переписке, потому что как внешнее, декларативное намерение, по-моему, К. П. Кауфман поставил последнюю точку, когда Хаким Хантуре обратился к нему в 1879 году с просьбой помочь ему занять кашгарский трон, он заявил: «Мы не будем никого возводить на престол, никаких правителей». Наверное, внутри, как инструмент воздействия на Китай, обсуждалось, скорее всего. Вопрос в продолжение противостояния Худояра с Якуб-беком. Вы сказали (мне очень идея понравилась): альтернатива такая Кокандскому ханству в Кашгарии в первые годы правления Якуб-бека была, и он чеканил монеты с именем покойного Мала хана, которому он служил, которого он признавал. Я так понимаю, что никакой альтернативной фигуры, которую он мог бы поддержать в борьбе за трон, он не выдвигал в этот период времени.

Васильев А. Д.: Спасибо, Роман Юлианович. Как всегда у Вас вопросы не в бровь, а в глаз. Что касается счетов Худояра и Якуб-бека, есть такая версия. В тот момент, когда русские войска штурмовали Ак-мечеть, Якуб-бека там уже не было. Кто-то говорит, что задолго, кто-то, что не задолго до этого он оттуда уехал. Кто-то говорит, что он был смещен. Есть интересная версия, которую приводит Мулла Мирза Сарами, который говорит, что Якуб-бека за оставление крепости привязали к пушке и чуть не расстреляли. Но, например, Веселовский в Записках восточного отделения Русского археологического общества пишет, что это все не так; дает достаточно хороший ссылочный аппарат, говорит, что Якуб-бек и его натянутые отношения с Худояр ханом, возможно, имели другой базис, а не военное предательство и оставление Ак-мечети в момент русского нападения. Что касается попытки создания буферного мусульманского государства, да, действительно, официально этого не было. Но есть целая масса документов, та же переписка Д. Милютинина с К. Кауфманом. Есть очень интересные османские документы на этот счет, которые косвенно подтверждают версию о том, что, действительно, как такая мера на случай войны, возможная поддержка нового антикитайского восстания в Западном Китае, она рассматривалась. Да, она была на уровне планов, проектов и, сложно сказать, насколько ее реально было осуществить, но эта мера была. Даже тот же Бек Кулы бек, сын Никуб бека, когда бежал сначала в Ташкент, потом в Пскент, он получал до начала XX века пенсию от царского правительства, там есть достаточно обширная переписка. И всегда в качестве мотива выплаты этой пенсии фигурировало то, что в случае каких-то осложнений с Китаем мы всегда можем вокруг Бек Кулы сплотить выходцев из Кашгара и отправить их поднимать восстание против китайцев, чтобы отвлечь их от боевых действий против России. На этот счет есть очень интересный

османский документ – это письмо Бек Кулы бека султану Абдул-Хамиду. Бек Кулы бек предпринял в 1892 году путешествие в Стамбул. Письмо Абдул-Хамиду II, если убрать титул султана, оно очень сильно похоже на то прошение Якуб-бека императору Александру о материальной помощи. Только султану Абдул-Хамиду Якуб-бек пишет, что понимает, что это русские интриги, и поэтому отказался от планов Кауфмана возвращаться в Кашгар, а императору пишет, что он был еще в Стамбуле, где общался с британским посланником и султаном, и понимает, что все это британские интриги. Мне кажется, легитимность самого Якуб-бека была весьма сомнительной. Она базировалась на его первоначальных военных успехах. Думаю, что именно поэтому возникла идея с получением османского вассалитета, который был, в общем-то, формальным, но который позволял создать какую-то видимость легитимности.

Сайфулмаликова С. С.: Спасибо, Александр Дмитриевич. Я вчера очень хорошо слушала Вас, сегодня тоже. У Вас такое интересное выступление. Хотела бы добавить про Якуб-бека. Просматривая многие архивные документы, я столкнулась еще со вторым Якуб-беком, менее известным, который как раз умер раньше известного Якуб-бека. Такие в истории случаются казусы.

Васильев А. Д.: Спасибо Вам большое. Действительно, очень интересная история. Тот родственник Якуб-бека, о котором я говорил, Сеид-Якуб-хан, его очень часто путают с Якуб-беком. Они, действительно, были дальними, по-видимому, родственниками. И на начальном этапе существования Джетишаара, Сеид-Якуб-хан принимал очень активное участие в дипломатическом зондаже.

(Обсуждение выступления С. А. Асановой)

Васильев А. Д.: Светлана Алексеевна, спасибо за очень интересный доклад. У меня не вопрос, скорее, несколько ремарок. Я где-то видел цифру, что К. Кауфман запросил 60 млн, но это такой момент – 200, 60 – сейчас, мне кажется, не имеет значения. Но это очень интересно. Объем денег, который запрашивали, он, видимо, увеличивался по мере распространения слухов. Вы сказали, что у Кауфмана были какие-то свои меркантильные соображения, но, насколько я помню, Кауфман предлагал правительству эти деньги, полученные от возврата, компенсации (по-моему, он употреблял слово «контрибуция»), пустить на строительство железной дороги в Туркестан, и за счет этой железной дороги будет компенсировано численное преимущество и численное превосходство китайской армии. У него, мне кажется, был военно-стратегический интерес, хотя, может быть, я просто всего не знаю. Когда я писал недавно статью про миссию Куропаткина в Кашгар, мне прислали одну очень интересную ссылку на высказывание Александра II, который в том, что сошлись на такой мизерной сумме, винил министра финансов. Говорил, что во всем виновато Министерство финансов, что этот вот испанский идальго, наш министр финансов, виноват, что мы в итоге сделали так. И мне кажется, что здесь немаловажное значение имел международный контекст, так как к тому времени (если говорить о моменте переговоров) недавно закончилась русско-турецкая война, финансы были в расстроенном состоянии. Министерство финансов просто не желало никаких новых расходов на войну, на предвоенные приготовления, а Кауфман четко видел, что Цзо Цзунтан, видимо, готовится к каким-то решительным действиям.

Асанова С. А.: Дело в том, что вопрос там обсуждался не только, как Вы говорите, о компенсации, контрибуции в том числе. Это была переписка между А. Куропаткиным и К. Кауфманом, когда обсуждалась сумма контрибуции. Были четко прописаны цифры – 3 рубля с кибитки, даже от тех киргизов, которые откочевали в Семиречье, но вернулись через год, с них тоже потребовали возмещение этих убытков. То есть они полностью хотели перекрыть этим доходы. Кроме того, было воззвание к кульджинскому населению, когда Куропаткин сказал, что мы контрибуцию собираем в течение лета, а с осени мы устанавливаем налоги. Потом была переписка между Кауфманом и Петербургом по поводу того, чтобы доходы от Кульджи оставались внутри Туркестанского края. При этом Министерство финансов полностью согласилось с этой мыслью. Железная дорога – это та

интрига, которая осталась за рамками, потому что на самом деле, совсем недавно мы нашли проект – карту, где от Кульджи до Урумчи – железная дорога проложена. То есть эта карта есть, теперь мы будем искать «концы» этой карты. Так что на самом деле, я думаю, «концы» будут.

Шлапентох Д. В.: Мы здесь видим две совершенно разные модели имперского проекта. Если исходить из главной модели – «Стальной щетиной сверкая, не встанет русская земля?» (А. С. Пушкин «Клеветникам России») – мы мощью, силой присоединим, захватим. Другая модель, судя по всему, она тоже существовала: в общем, империю можно и распродать. Вот эта идея распродажи империи, что она нам, в общем, в тягость, как говорится, в общем тоже прослеживается. Мы можем продать Аляску, мы можем продать эту территорию.

Васильев Д. В.: Честно говоря, меня тоже удивляет, зачем отдали Кульджу. Ведь никаких особых предпосылок для этого не было. Но это наши рассуждения.

Васильев А. Д.: Мне кажется, что идея распродажи империи здесь не имеет какой-то прямой связи. С самого начала заявлялось, что это временное занятие. Мне кажется, одним из мотивов была как раз демонстрация силы тому же Якуб-беку. Мне кажется, эта аллюзия на распродажу империи, она здесь не очень к месту.

Почекаев Р. Ю.: Доклад замечательный, спасибо. Вы в рамках этого дискурса одно направление обошли стороной, а мне оно показалось интересным, знаковым. Причем его квинтэссенцию выразил востоковед по фамилии Васильев. То, что не прозвучала эта фамилия на нашей конференции, это довольно странно, учитывая, сколько Васильевых здесь присутствует. Это китаист, который опубликовал статью в одной из газет, название не помню, в какой именно, потом публиковал еще и брошюру по Кульджинскому вопросу. Он обосновывал, что Россия имеет исторические права на этот регион – поэтому ее не надо отдавать. Что еще со времен, когда Кульджа находилась под контролем Джунгарии, там активно торговали русские, которые имели свои склады, лавки, была целая русская колония, то есть русские давно обосновались в этом регионе с первой половины XVIII века. Поэтому это наш регион, это не просто дружественные нам мусульманские народы, так как там есть русское население. Такую точку зрения он высказывал.

Асанова С. А.: Вы имеете в виду спор между Васильевым и Венюковым? Полемика была в «Голосе».

Васильев Д. В.: Мы помним, что когда Кульджу вернули, часть территории все равно осталась за Россией. А дальше произошло интересное. В СМИ было опубликовано, как таранчи и дунгане ломанулись в Российскую империю: «Возьмите нас, пожалуйста, в хорошую Россию». А документы делопроизводства чуть более позднего времени показывают обратный процесс, когда народ бежал в Китай. И вот мне лично как управленцу интересно посмотреть, от каких таких благ они возвращались в плохой Китай.

Асанова С. А.: Правильно сказал Роман Юлианович, русские корни там были. И в последующем, как Вы, Дмитрий Валентинович, говорите, большое количество вернулось или отправилось на вольные хлеба. Действительно, русская традиция в Кульдже до сегодняшнего дня достаточно сильна. Там до сих пор есть православная церковь, там есть и русская школа. Русские в Кульдже с XIX века достаточно благополучно живут, уже натурализовались.

Васильев Д. В.: Мне кажется, обсуждение было интересным. Темы были поставлены и сформулированы достаточно остро. Многие из них открывали для нас что-то новое. Приятно было слышать не столько даже разные точки зрения, сколько мнения ученых, представляющих разные отрасли гуманитарного знания. Это замечательно, мы можем считать, что все было сделано не зря.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. И. Ковальская)

В сообщении анализируется специфика международно-политического положения Джетишаара – «кратковременного» государства, возникшего в результате мусульманского антикитайского восстания в Восточном Туркестане

и просуществовавшего с 1864 по 1878 гг. Автору удалось показать особое место этого игрока на международной арене, который, несмотря на сравнительно небольшие размеры и непризнанный статус, достаточно активно влиял не только на соседние мусульманские государства, но и на позиции в Центральной Азии «великих держав» – Российской и Британской империй. Результаты проделанной работы, несомненно, окажутся полезными в рамках реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», ряд участников которого рассматривает различные аспекты истории Джетишаара и его отношений с соседями (С.А. Асанова, Д.В. Васильев, Р.Ю. Почекаев). Может представлять интерес и дальнейшее сотрудничество с экспертом на предмет обмена материалами на основе данных из архивов (АВПРИ, РГВИА, османские архивы и др.).